

ISSN 0027-8283

Наш Современник

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

№2 2026

МАРИАННА ДУДАРЕВА

В ГОРНИЦЕ
НИКОЛАЯ РУБЦОВА*90 лет со дня рождения мастера*

У каждого поэта должен быть свой вечный спутник, фигура которого особенно актуальна на ученическом этапе творчества, но может остаться с ним и на всю жизнь, как, например, А. С. Пушкин — для Ф. М. Достоевского, Ф. И. Тютчев и С. А. Есенин — для Н. Рубцова. В литературоцентричной России важна преемственность и традиция, которую мы понимаем в значении *предания* (по А. Н. Веселовскому). Художник слова вступает в диалог с этой традицией, или, вернее, с ее формами, усовершенствует ее, обогащает и развивает уже то, что было сделано до него. В этом отношении показательно неожиданное в аспекте наших размышлений замечание фольклориста В. А. Смирнова о проявлении фольклорной традиции в авторском творчестве: традиция может принимать разные формы, но эстетическая и сакральная сила мифа, народного искусства передаётся автору, который в тот или иной период истории ответственен за свой народ.

В наше цифровое время с развитой цифровой памятью, почти не имеющей пределов, кажется, так легко сохранить традицию. Однако пространство digitalmemory ещё не прибрано, в нем *смешались кони, люди*, низ и верх часто меняются местами, и дело государства, государственных мужей — навести порядок в литературе и культуре, с одной стороны, но, с другой стороны, и сам поэт должен выбрать правильную художественную дорогу и открыть ее перед читателем, чтобы тот не блуждал в *цифровом лесу* до конца дней. Период постмодернизма приучил нас к тому, что всё может быть дозволено: черное выдано за белое, творец превратился просто в автора, а читатель имеет право на любую игру с текстом. Однако для подлинно русской художественной словесности характерен *инстинкт культуры*, который невозможно обойти стороной, и тогда не получается обмануть читателя. В горнице мастера должно быть прибрано и светло. Таким художником, в творчестве которого проявилась есенинская традиция в форме есенинского присутствия, *несказанного света*, является Николай Михайлович Рубцов.

Известное стихотворение Н. Рубцова “В горнице” всегда привлекало внимание исследователей и критиков, которые подмечали простоту

этого произведения и нередко воспринимали это как художественную слабость. Так, Б. Т. Примеров однажды подшутил над сюжетом этого текста, задавая вопрос самому автору после его исполнения “В горнице”: “Хорошо, Коля, а что ж ты матушку одну ночью за водой отпустил-то? Взял бы ведерко да притащил водички в дом”*. В этой поэтической дружеской шутке скрывается не столько соперничество, сколько тонкое наблюдение за внутренним сюжетом стихотворения. Внешне действительно всё просто: горница, тихая ночь, двое. Однако эта простота *посенински* мнимая. Современный критик и литературовед А. М. Марченко писала по поводу метафорического строя есенинской лирики, что поэзия Есенина, его метафора обладают мнимой простотой. Это положение можно отнести и к художественному миру Рубцова, который, стоит отметить, очень любил Есенина. Возможно, эти далеко идущие литературные связи нам еще пригодятся при культурфилософском анализе стихотворения “В горнице”.

В работах, посвящённых его разбору, у исследователей никогда не вызывало сомнений определение времени суток. Литературоведы и критики, рассматривающие стихотворение с точки зрения фольклорной традиции и выделяющие в нем парадигму “инога царства” (Анастасия Чернова), указывали на странное положение: матушка берёт ведро и молча идет за водой ночью, что недопустимо и нелогично, потому что ночная вода — нечистая. Так ли это? В горнице светло — от ночной звезды:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Но, по мифологическим представлениям, в мировой культуре находим мифологему светотьмы, рождения света во тьме, их сосуществование, что объясняет два понятия: *свет вечерний* и *свет невечерний*. Подобный апофатизм может навести на мысль о том, что звезда у Рубцова вовсе не ночная в прямом смысле слова, а предутренняя. Тогда матушка никакого “нечистого” действия не совершает. Кроме того, мы соглашаемся со многими исследователями в том, что в стихотворении задано особое соотношение времени и пространства: мы наблюдаем континуум, находящийся вне линейных законов земного времени. Подобное положение дел с точки зрения ритуального орнамента сюжета встречаем в стихотворении С. Есенина 1917 года “Разбуди меня завтра рано”, в котором поэтически обыгрываются ритуальная встреча утренней зари и проводы вечерней:

На рассвете он завтра промчится,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

В этом случае встречаются два светила, месяц и заря, а лирический герой все равно просит матушку разбудить его рано, то есть как бы упредить зарождение нового дня:

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

* Из личной переписки с вдовой поэта, Н. В. Кондаковой, которая присутствовала при этом разговоре, когда Рубцов сам исполнял “В горнице”.

Но отвлечемся пока от определения времени суток и обратимся ко второй строфе:

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Почему цветы красные? Почему о них вообще думает лирический герой ночью? Конечно, красные цветы являются образом-символом, который связан с традиционной культурой, но здесь необходимы некоторые уточнения. В контексте первой строфы о ночной звезде и воде, которую приносит в дом матушка в пограничное ночное или предзвездное время (скорее всего, не для полива увядших цветов), красные цветы наводят на мысль о *купальских лазоревых цветах* (они прежде всего красного цвета), обладающих особой семантической напряженностью и онтологическим статусом — они олицетворяют прорыв от тьмы к свету, возрождение в новом качестве и позволяют обладателю цветка открыть сакральные знания. Именно на заре собирают такие цветы и прочие травы, тем самым совершая как бы вместе с годовым циклом *поворот в судьбе*. Кроме того, именно в эти купальские дни разрешены ночные омовения, которые очищают существо человека, именно женщины ходят за такой водой, “черпают росу”.

Но почему же цветы завяли? Современный специалист в области славянской демонологии Л. Н. Виноградова указывает на мотивы о купальской ночи как времени наибольшей активности нечистой силы. В такое “открытое” время рубцовский герой думает о своей судьбе, которая ассоциируется с красными цветами, их возрождением, и лодкой, которую необходимо починить, смастерить заново.

Для поэтических миров Рубцова и Есенина доминантен архетип лодки. Архетип корабля / лодки, нашедший свое отражение в разных жанрах нашего фольклора, в обрядовом комплексе, связанном с проводами Костромы, Масленицы, получил теоретическое обоснование в трактате Есенина “Ключи Марии” (1918). *Образ корабельный* в есенинской художественной лаборатории связан с космогоническими представлениями о мире; в “Письме к женщине” вся земля приравнивается к кораблю. Корабль / лодка / повозка в мировой культуре выполняют функции перехода и связаны с поисками “иного царства”. Кроме того, в этом контексте возникает образ ивы, под которой будет у Рубцова “хлопотливый день”. Ива или ее родственницы — серебряная ветла, ракета — в русском фольклоре и литературе наделены иномирной семантикой. Здесь достаточно вспомнить известную колыбельную про серого волчка и ракиновый кусток — место, потенциально связанное с “тем светом”. Ива в ритуальном контексте стихотворения Рубцова — дерево границы, воплощающее мировую ось.

В стихотворении “В горнице” герой должен возродить красные цветы и починить свою лодку — оба действия семиотически значимы, ритуально маркированы. Кроме того, в этом контексте возникает концепт “судьба”, непосредственно связанный с “красными цветами” и “лодкой”. С бытовой точки зрения смысл стихотворения, несмотря на простоту формы и средств выразительности, не проясняется: остается неясным, почему герой не сам идет за водой, почему воду приносят ночью, почему полив цветов и починка лодки связаны с его судьбой. Однако дружеское подтрунивание современника поэта Б. Т. Примерова относительно внутреннего сюжета этого текста заставляет исследователя задуматься и обратить внимание именно на этот момент: матушка, женщина, идёт за водой в пограничное время. Целостное восприятие и прочтение образов ночной звезды, воды, мифологемы “красные цветы”, архетипа

лодки позволяет реконструировать ритуальный купальский сюжет. В этом случае поход матушки за водой не кажется нарушением запрета, красные цветы не сами по себе завяли в садике, и лодка сгнила на речной мели — герой должен возродиться в новом качестве и определить, выстроить свою судьбу. Обращение к народной традиционной культуре позволяет также поставить вопрос о скрытых проявлениях фольклорной традиции в стихотворении Рубцова, о поэтическом диалоге-споре с фольклором.

В горнице, то есть поэтической мастерской Николая Рубцова — *светло*. Его ночная звезда светит есенинским несказанным светом нам, забывшимся цифровым сном сегодня.